

Артём Скиба

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ СУЖДЕНИЯ И ОТРИЦАНИЯ

Аннотация. В предлагаемой статье рассматривается феноменологическая концепция суждения и отрицания в связи с происхождением научной объективации. На основе поздних работ Э. Гуссерля, а также раннего и фундаментально-онтологического периода мысли М. Хайдеггера проводится анализ логического и бытийного статуса негативных суждений, в том числе и их когнитивной значимости. Так, наше осмысление, затрагивая проблему логики, понятой в качестве наукоучения, обращается к вопросу необходимой модализации суждения как проявления критического отношения ученого к миру. Нами излагается изначальная тематизация суждения в традиционной логике как науке науки. Посредством указания на интенциональность суждения мы совершаем проблематизацию суждения отрицания. В первую очередь наше исследование апеллирует к проекту онтологии Хайдеггера для объяснения связи между отрицанием и Ничто, а также тезисом онтологической дифференции и экзистенциалами *ужаса* (Angst) и *бытия-в-мире* (In-der-Welt-Sein). Внимание уделяется также ранней академической работе немецкого мыслителя, где герменевтика отрицательного суждения касается принципиально бимодального характера копулы. Далее наше смысловое исследование проходит в рамках генетической феноменологии Э. Гуссерля, в соответствии с которой показывается происхождение суждения по форме «S не есть P» в опытной действительности. Обосновывается как надстроенный «интенциональный характер» негации, так и первичность нормального восприятия и, следовательно, утвердительного суждения. Мы доказываем невозможность нахождения до-предикативного истока двойного отрицания и близость потенциальных выводов неклассической интуитивистской логике. Наконец, нами предпринимается попытка экспликации полученных результатов в заданном контексте философских оснований научного знания.

Ключевые слова: феноменология, генеалогия, Ничто, бытие, сущее, онтические дисциплины, научность, интенциональность, интуитионизм.

Artem Skiba

PHENOMENOLOGICAL ONTOLOGY OF JUDGEMENT AND NEGATION

Abstract. In the present article we consider the phenomenological conception of judgement and negation in relation to the origin of scientific objectivation. Basing on the later works of Edmund Husserl and on earlier as well as fundamental-ontological period of Martin Heidegger's thought, analysis of onto-logical status and cognitive value of negative judgements is undertaken. Thus, our investigation addressing the issue of logic as Wissenschaftlehre, goes on to consider the question of the necessary modalization of judgement as manifestation of the scientist's critical attitude to the world. We set forth the topicalization of judgement in traditional logic understood as the science of science. Through pointing out the intentionality of judgemental activity, we carry out a problematization of negative judgements. At first, our research addresses Heidegger's fundamental ontology for the clarification of the relation between negation and Nothing, as well as the thesis of ontological difference and the existentials of *anxiety* (Angst) and *being-in-the-world* (In-der-Welt-Sein). Attention is also paid to the early academic work of the German thinker where the hermeneutics of negation reaches the originally bimodal character of the copula. After that, this sense-investigation continues within the framework of Husserl's genetic phenomenology, according to which the origin of judgement in the form "S is not P" is shown to lie in the reality of experi-

ence. Both the secondary intentional character of negation and the fundamentality of the normal perception and, consequently, of affirmation is proved. We demonstrate the impossibility of finding out the pre-predicative root for double negation and the proximity of the potential conclusions to the non-classic intuitionist logic. Finally, we make an attempt to explicate the results in the given context of the philosophical foundations of scientific knowledge.

Keywords: phenomenology, genealogy, Nothingness, being, entities, ontic disciplines, science, intentionality, intuitionism.

Наука, как мы ее понимаем сейчас, — когда знание начинает толковаться как репрезентация, — не есть уже лишь наивная активность теоретического разума. Будучи наукой в подлинном смысле слова, она требует обоснования каждого шага своего пути в соответствии с некоторыми первопринципами. Однако такие принципы не могут быть предоставлены частной наукой, направленной на сущее и, соответственно, имеющей свой особенный предмет, отличный от цели формирования универсальных норм научности. Вместо этого она ожидает их не из себя — она нуждается в чистой идее научности. Понятая, начиная с платоновской диалектики, как «место установления норм», то есть как *наукоучение*, а также, отчасти, как *онто*-логика, традиционная логика приняла задачу становления чистой теорией возможной науки.

Конечно, в современности отношение логики и науки приняло ряд изменений, касающихся сути ее дела. Однако здесь мы намереваемся рассмотреть именно *традиционную* логику в том свете, в котором к ней также обращается Э. Гуссерль, то есть как науку логоса, раскрывающую не что иное, как сами абсолютные принципы и границы научности.

Вообще само слово *λόγος*, от которого происходит деривация «логики» (сперва как *λογική*), имеет множество взаимосвязанных значений, которые могут послужить нам, вслед за классиком феноменологической философии, пропедевтикой к построению идеи науки логоса. С одной стороны, как мы помним, *λόγος* обозначает не только *слово* и *речь*, но также как *смысл*, полагаемый в ассерторическом предложении, так и *смыслополагательный акт*, то есть предикацию, ассерцию, etc.

С другой стороны, мы сталкиваемся с теми значениями *λόγος*, которые связаны с рациональностью (вспомним латинский перевод «логоса» как *ratio*). Среди них мы имеем и *разум как таковой*, то есть вообще возможность мышления, и *направленность на истину*, то есть мышление понимающее или направленное на понимающую истину. Наконец, если мы говорим о нормах научности, то необходимо подразумевать и ту лексическую семантику, которая, согласно Гуссерлю, касается *формирования (законных) понятий*, а, следовательно, и сами понятия в том числе.

Из описанных значений мы уже можем сформулировать понимание традиционной логики как науки рационального мышления. Следуя же традиции

определения последней, мы также приходим к тому, что она понимается в аристотелианской перспективе. Стоит заметить, что логика Стагирита, несомненно, является «формальной» только в частном смысле: несмотря на то что философ поставил на место слов (терминов), указывающих на *содержание* суждения, алгебраические буквы (хотя, как мы помним, это осуществлялось не во всех его трудах), вариация терминов в его логике еще не была полностью свободной. Поскольку же Аристотель относит свою аналитику к реальному миру и, стало быть, не исключает из нее категории реальности, постольку идея формы в его логике остается недостаточно «чистой» (Husserl 1974: 54). Однако с нее начинается понимание логики как «ассерторической аналитики», тема которой — предикативное суждение. Это понимание отлично от понимания логики как имеющей дело с материальной сферой познания. Отсюда можно также увидеть, что теория чистых форм суждения для Гуссерля будет составлять первую часть формальной логики. В то же время логика здесь нами понимается, стало быть, в соотношении с наукой и научным знанием, то есть как место обнаружения универсальных норм, относительно которых наука сможет сознательно себя обосновать.

Как таковая, наука науки должна подкреплять объективную позицию ученого теоретической, или рефлексивно-критической, установкой, поскольку, как известно, научное знание подразумевает включение в «объективную реальность» — понимаемую, таким образом, в расширенном смысле как то, на что направлена когнитивная активность, — и самого субъекта познания. Выражением научного знания становится предложение «субъект знает, что S есть P», в чем, можно отметить сразу, выражается и разделение, в терминологии Гуссерля (в частности, см. §65 в Husserl 1939), на ирреальную и реальную объективности, о которых будет сказано позже. В данном тексте мы постараемся выяснить, как отрицательные суждения могут характеризовать научное мышление, а также рассмотрим онтологический фундамент предикации.

* * *

Посмотрим же теперь, в перспективе генетической феноменологии, более детально на процесс вынесения суждения: следует проследовать по слоям акта суждения, дабы само это наше рассмотрение могло поставить проблему *модализации* суждения, которую мы и будем исследовать в данной работе. Итак, в каждом акте суждения субъект приписывает объекту, о котором высказывается, некоторый бытийный статус. Как об этом говорит Гуссерль, в акте суждения мы «имеем „перед собой“ нечто как существующее» (etwas als seiend „vor sich“ haben (Husserl 1974: 126)). Тем не менее, данный бытийный статус, пока что еще подразумеваемый, должен быть подтвержден, — иначе говоря, в научной установке простое существование, приписываемое объекту

в суждении, ставится под вопрос. Интенция, присущая такому суждению, нуждается в наполнении (erfüllen) посредством встречи с порядком вещей.

Конечно, в каждодневной жизни указанное стремление находится на совершенном другом уровне. То есть для того, кто судит наивно-прямо (naivgeradehin Urteilenden), достаточно «просто рассмотреть» („sieht bloß nach“), чтобы удовлетвориться в своем суждении (Husserl 1974: 130). В отличие от этого «простого» полагания существования, в научном мышлении последнее должно проблематизироваться, если мы преследуем цель получения научных результатов, — если наша активность является познавательной активностью. Таким образом, критика содержания суждения для ученого, в отличие, правда, от логика, приобретает характер «верификации». Однако интенция в акте суждения, безусловно, может быть и не наполнена. Более того, описанное критическое отношение к так-бытию объекта суждения уже предполагает модальности сомнения, вопросительности или обнуления, «упразднения». Здесь, в самом нутре активности суждения, мы сталкиваемся с модализацией, ведь она «не есть случай, который лишь иногда вступает в целостность суждения». Наоборот, именно прохождение через модализацию и «делает понятным смысл стремления суждения в его последнем основании» (Husserl 1939: 328). Следовательно, обсуждаемая критическая установка есть проявление модификации изначальной («простой») уверенности, через которую прослеживается *тематизация* суждения, то есть рассмотрение последнего ради него самого. Рассмотрением суждений, на которых может базироваться наука, а значит, как требующих критики, занимается как раз таки логика, понятая в данном исследовании в качестве *Wissenschaftlehre*. Так, мы можем увидеть основание рассматривать дающую нормы научности логику, представляющую собой и сам инструмент критицизма, в свете ее *апофантической* направленности. По замечанию С. Башляр, «как наука *науки*, логика имеет онтологическую фокусировку, а как *наука науки* — апофантическую. Как наука второго уровня, она формирует суждения о суждениях. Таким образом, область суждения становится изначальным тематическим полем» логики (Bachelard 1957: 132).

Итак, мы заявили об особенностях теоретической (научной) установки, состоящей в необходимости верификации суждений в активности Я. Проходя такой процесс, суждение «S есть P» становится обоснованным, подтвержденным посредством обращения к объекту, в смысле чего мы можем заявить о возвращении *zu den Sachen selbst*. Что же случается, если наша полагаемая объективность, мыслимое положение дел не соответствует реальному? Судя по всему, проявлением этого послужит совершение унарной операции *отрицания* относительно изначального суждения, «модификация изначальной уверенности посредством отрицания». Какова же роль данной, в терминологии Гуссерля, модализации — отрицательного суждения — в науке? В чем заключается когнитивный статус частицы «не»? Что мы можем сказать о свя-

зи онтологической негативности и суждения в логике? И в каком соотношении находятся суждения утверждения и отрицания? Это те самые вопросы, которые направляют нашу мысль в данном осмыслении негативности.

Негативность в философии М. Хайдеггера

Принимая во внимание то, что вопрос негативности исследуется нами именно в сфере *апофансиса*, имеет смысл не ограничиваться исключительно логическим его выражением. Так, преследуя цель представить более объемлющий анализ отрицания, следует сперва обратиться к онтологическому происхождению негации. Такой генезис, в частности, предлагает нам проект фундаментальной онтологии, который к тому же имеет своей косвенной целью обоснование позитивных наук. Реконструируя позицию М. Хайдеггера, мы также стремимся прояснить проблему соотношения онтологии и логики, выраженную в данном случае во взаимосвязи Ничто и отрицания, и вопрос первичности одной из модальностей суждения.

Логический вопрос для мыслителя имеет, пожалуй, более глубокий мотив, который определит также и характер сказанного нами впоследствии — вопрос о Бытии (*Seinsfrage*). Задача, вызванная к жизни диссертацией Ф. Brentano и «Логическими исследованиями» Гуссерля и состоящая в том, чтобы раскрыть взаимосвязь логического знания и философии как «науки» Бытия, проясняется философом в более отчетливой форме в лекциях Марбургского цикла, где отстаивается мнение, что «онтологическое вопрошание», восстановление Бытия из забвения в сущем, требует «деструкции» традиционной логики. Что здесь ставится под вопрос, так это традиционный и непроблематизированный прежде приоритет логики, ведь она, если является «только одной из интерпретаций сущности мышления», не может, полагает Хайдеггер, главенствовать во всей философии. Тем не менее, деструктивность мыслителя относительно логики отнюдь не наивна и не характеризуется пустым отвержением; наоборот, «он стремится на пути деструкции логики конкретно и обосновано предъявить ее онтологический генезис и обусловленную этим генезисом ограниченность ее применимости» (Паткуль 2014: 133). Таким образом, как продолжает А. Б. Паткуль, от решения задачи деструкции «во многом зависит возможность построения философской онтологии как „строгой науки“» (Паткуль 2014: 133).

Отметим, что для Хайдеггера философия и онтология, по сути, совпадают. Последняя, как поясняет мыслитель, есть вопрошание о бытии, и именно бытие, а не сущее, составляет подлинный предмет философии. Как из этого ясно следует, немецкий мыслитель вводит здесь тезис *онтологической дифференции*, т. е. различения на бытие и сущее. Наиболее подходящим для нас определением тезиса будет следующее: «Онтологическая разница — это *нет* между сущим и бытием» (Хайдеггер 1998: 78).

Данный тезис позволяет, возвращаясь к нашему предмету, классифицировать науки на те, что направлены на сущее, — *онтические*, и те, которые имеют собственным предметом бытие, — *онтологические*. Сущее — это нечто; это то, что так или иначе есть. Бытие, в противовес этому, не есть, не существует так, как это возможно для сущего, оно — *ничто* сущего. «В самом деле, Ничто есть отрицание всей совокупности сущего, оно — абсолютно несущее», — заключает мыслитель (Хайдеггер 1993: 18).

В другом месте Хайдеггер также утверждает: «Ничто первоначальнее, чем Нет и отрицание», — в связи с чем представляется необходимым сперва уловить данное Ничто, которое предстает в качестве основания индивидуации в мире (Хайдеггер 1993: 19). Ведь *дело не в том, что в силу отрицания Ничто становится интеллигибельным, но, наоборот, Ничто как модальность бытия делает формальное отрицание возможным*.

Итак, мы сказали: Ничто — условие дифференциации сущего в мире. Суждения постижимы как истинные или ложные в силу того, что мир раскрывается как фундаментально дифференцированный, так что отрицание артикулирует особенность самой мирности (*Weltlichkeit*) — артикулирует, соответственно, в дискурсивной мысли, или же языке. Хотя Хайдеггер утверждает, что Ничто отсылает к фундаментальной дифференциации, он не уравнивает его с чистым, или пустым, не-бытием. «Понятое из метафизики (т. е. исходя из вопроса о бытии в виде „что есть сущее?“) потаенное существо бытия, его ускользание прежде всего разоблачается как просто не-сущее, как Ничто. Но Ничто как „нет“ сущего есть самая резкая противоположность пустому ничто-жеству. Ничто никогда не ничтожно, равным образом оно и не нечто в смысле предмета; оно — само бытие, чьей истине вверит себя человек, когда преодолет себя как субъекта и, значит, когда уже не будет представлять сущее как объект» (Хайдеггер 1993: 62). Ничто, выходит, оказывается фундаментальной характеристикой самого бытия; оно, в таком случае, есть не отсутствие бытия, а его модальность или даже манера, в которой сущее может быть раскрыто.

Иначе говоря, формальное отрицание, выраженное в суждении, оказывается деривативным, поскольку мы не только не находим его в опыте глубокого ужаса («Ничто дает о себе знать в настроении ужаса» (Хайдеггер 1993: 21)), но также и потому, что отрицать суждение означает предполагать первоначальное знакомство с сущим в его дифференцированности — прежде чем суждение об объекте может подвергнуться отрицанию, должно быть, разумеется, раскрыто сущее, которое выговаривает и то что есть, и то чего нет.

Таким образом, первичное ничтожение делает дискурсивную артикуляцию посредством частицы «не» возможной. Поясним данное утверждение: полагать, что формальное отрицание становится возможным для дискурсивного мышления благодаря Ничто, — значит полагать, что дискурсивное мышление требует возможности схватывать частности, и такое схватывание

возможно именно потому, что понимание бытия характеризуется изначальным знакомством с различенностью сущего в самом мире. Понимание дифференциации необходимо, чтобы распознать любое сущее как сущее, поскольку распознать нечто означает распознать его, так или иначе, так, как оно есть, в отличие от того, что и как оно не есть.

Пойдем теперь далее. Когда Хайдеггер говорит, что «Ничто само ничтожит», имеется ввиду то, что дифференциация не вытекает из чего-то еще более фундаментального, равно как и отрицание, но, скорее, показывает себя как фундаментальный модус бытия (Хайдеггер 1993: 22). Ничтожение в самом общем виде есть дифференциация не между бытием и не-бытием, но между единством бытия и индивидуированным, дифференцированным сущим. Ничто, таким образом, первично в двух следующих аспектах. Во-первых, оно есть модальность бытия: сущее раскрывается как понимаемое единство, так, *как* оно показывает себя и не иначе. Во-вторых, как характеристика бытия, Ничто претворяет индивидуализацию и делает, соответственно, артикуляцию сущего возможной.

Итак, обобщим, к чему мы на данный момент пришли: Ничто, открывающееся нам в ужасе, есть первичная дифференциация. Оно не есть сущее, так же как не есть и тотальность сущего. Не есть оно, как мы указывали выше, и чистое не-бытие. В данном месте мы направились обратно к тезису онтологической дифференции Хайдеггера, с которой было начато наше рассуждение, ведь его утверждение следующее: подобно другому сущему, Ничто характеризует бытие как таковое. Как понимающее бытие, *Dasein* имплицитно отличает сущее от того, в свете чего сущее есть сущее, от бытия, и именно в этой дистинкции мы находим Ничто как первичное ничтожение. Согласно А. Б. Паткулю, «в качестве данного в понимании человеческого *Dasein*, бытие предшествует любому возможному опыту сущего как сущего; и в этом смысле выступает, с точки зрения Хайдеггера, априорным условием его возможности. А именно как такое априори данное в понимании условие возможности опыта сущего бытие является в фундаментальной онтологии тем, что определяет сущее как сущее» (Паткуль 2009). Из этого следует, что, прежде чем рассматривать смысл бытия отдельных регионов сущего, что позволило бы философски обосновать онтические дисциплины, «необходимо сначала прояснить смысл бытия как такового» (Паткуль 2009).

Как утверждает на это счет Хайдеггер, *региональная онтология*, «таким образом, осуществляет обоснование некоторой онтической науки. Полагание основ некоторой науки о сущем означает: обоснование и разработка лежащей в ее основе онтологии. Эти онтологии основываются со своей стороны в фундаментальной онтологии, которая составляет центр философии» (Хайдеггер 1977, цит. по Паткуль 2009), в то время как в основании «последней лежит экзистенциальная аналитика *Dasein* как подступ к прояснению смысла бы-

тия вообще через прояснение смысла бытия единственного понимающего бытия сущего и условий возможности такого понимания» (там же).

Фокусируясь прежде на работе фундаментально-онтологического периода мыслителя, посмотрим теперь, что нам может дать ранняя, более академическая работа Хайдеггера относительно вопроса первичности модальностей суждения. В своей докторской диссертации «Учение о суждении в психологизме», защищенной под руководством А. Шнайдера, Хайдеггер фокусирует внимание на суждении, как «первичном элементе логики», когда последняя понимается здесь в широком смысле — как учение об основании мышления в целом и наук в частности. В данном труде еще видна особая его приверженность Гуссерлю времен «Логических исследований», выраженная, в частности, в основной направленности данной работы — критике психологизма относительно тех позиций, которые не были затронуты гуссерлевской программой, т. е. в различных теориях суждения. Несмотря на то что основная часть работы посвящена критике, как видно из названия, предшественников и одновременно приверженцев психологического истолкования логики — В. Вундта, Г. Майера, Ф. Brentano, Т. Липпса — заключительная ее часть направлена именно на конструктивное обоснование природы логики.

Не уходит от внимания Хайдеггера в этой части и проблема логического статуса отрицательных суждений, ибо для него отрицание также слишком важно в познании, чтобы просто не иметь с ним дела. Как доказывает еще молодой академический философ, отношение «есть» предполагает не реальное существование, но значимость (Gelten). И именно копула — собственный момент суждения, суть которого состоит в *познавательном* овладении предметом, в чем Хайдеггер, похоже, солидарен со своими предшественниками. Тогда последовательным будет также предположить, что логическая, первичная форма суждения, в отличие от грамматического флера, оказывается принципиально важной в содержательном когнитивном отношении. Выходит, не столь большая разница, в данном контексте, будет между языковыми разновидностями высказываний, чистая структура суждения останется одной: «S есть P», или, помня сказанное выше, точнее будет выразиться — «В отношении S имеет значимость (gilt) P». Таким образом, суждение определяется как «отношение значимости между предметом и содержанием определяющего значения» (Heidegger 1978: 182). Как быть в связи с данным определением с существом отрицания?

По сути, подобно тому, как утвердительная связка не обозначает бытие, «не есть» — это также не аннигиляция, а познавательное отношение «не имени значимости». Далее Хайдеггер заключает, что эта значимость фундаментально бимодальна: «Когда нечто *не существует*, я не могу сказать: оно существует; только это существование есть *несуществование*», ведь это выглядит абсурдно. Тем не менее, «то, что, напротив, *не* имеет значимости, все же значит, только *эта значимость есть не-имение-значимости* (nur ist

dieses Gelten ein Nichtgelten)» (Heidegger 1978: 184). Стало быть, значимость и не-значимость суть *равнопервичные* модальности значимости как таковой. Другими словами, невозможно говорить, как кажется, об изначальности одного из видов суждений в стезе неокантианских выводов раннего Хайдеггера. Фундаментальным оказывается лишь познавательное отношение значимости.

Отрицание *sub specie temporis* в генеалогии логики Э. Гуссерля

Несколько в другом направлении продвигается феноменология Гуссерля, к которой мы ныне подошли вплотную. Мы бы хотели начать с одного из аспектов опыта, имеющего роль в нашем опыте мира, который Гуссерль называет «самоподдержания Я» (*Selbsterhaltung des Ich*). Последнее обуславливает наше восприятие, а точнее, наше устремление к гармонии опыта в перцепции объекта, ведь опыт мира состоит в едином, делящемся восприятии, а не в прерывчатых набросках. Вся общая структура жизненного мира покоится на гармонии восприятия, а также, как мы увидим, гармонии суждения (о связи субъективно-относительного *Lebenswelt* и научной объективности см. Nartimo 2019).

На уровне же суждения общее устремление Я становится устремлением к *последовательности*, или *непротиворечивости*, суждения (*Urteilskonsequenz*) и к уверенности (*Gewißheit*). Вынесение суждений об объектах есть вынесение решений относительно того, как мы видим вещи. Как об этом говорится в «*Erfahrung und Urteil*», «*стремление к последовательности суждения и к уверенности есть, таким образом, черта, которая является частью общего стремления Я к самоподдержанию*» (Husserl 1939: 351). На более высоком (добавим — научно-теоретическом) уровне, это стремление становится «*волей к познанию*» (Husserl 1939: 92), которая присуща человеку как рациональному существу.

В таком случае, непоследовательные решения об объектах заставят Я расколоться — они разломают горизонтную структуру опыта. Так, если меня приглашают на вечер, чтобы прослушать «Крейцеровскую сонату» и когда я прихожу и слышу совершенно другую запись, я «разочарованно» восклицаю: «Да это же девятая симфония Малера!». Это, в свою очередь, заставит Я стремиться к пере-установлению гармонии восприятия.

В генетическом анализе логики, проводимом Гуссерлем, оказывается, что исток суждения отрицания усматриваемым уже в *допредикативной сфере рецептивного опыта*. Если взять теперь пример, связанный с восприятием шара, то мы сможем сказать следующее: посредством ряда перцепций мы распознали шар как целиком красный и ровный. В какой-то момент, перевернув шар, мы обнаруживаем, тем не менее, что задняя часть его является зеленой и вмятой. По этой причине возникает сознание инаковости, а следовательно, и «устранение» (*Aufhebung*), или аннулирование, первоначальной

установки: «целиком красный и ровный». Таким образом, исходная антиципация, говорит Гуссерль, оборачивается «разочарованием» (*Enttäuschung*). Из этого возникает некое противоречие между определенной интенцией и новым конституированным предметным смыслом. Это и представлено как переживание иного — *феномен отрицания*.

Необходимо заметить, что опыт разочарования, в то же самое время, ведет к некому удвоению *смысла* предмета. То, что я обнаруживаю, покрутив шар, его вмятость, не отменяет ни первичное утверждение, ни также новоучрежденный смысл. И, следовательно, проводя генетический анализ логики, мы обнаруживаем *sui generis* двойной смысл — мы, другими словами, имеем дело с опытом, каждое наше решение сохраняется в *ретенции*. «Если ранее я верил, что „S это P“, то ныне я осознаю, что это не так» — вот примерное словесное отображение данного тезиса.

Может показаться, будто сознание разорвано, если два смысла совместно и одновременно пытаются уместиться в одном сознании, — кажется, что создается некий коллапс. Однако здесь имеется, по выражению Гуссерля, некое наслоение, перекрытие (*Entdeckung*) этих убеждений: изначальный смысл просматривается сквозь новый, который, будучи актуальным, имеет над ним очевидное преимущество.

Таким образом, расколотое Я сталкивается также с негармоничностью восприятия, ведь модализация в смысле становления неуверенным есть переход чего-то исполненного в не-исполненное. Поскольку же каждая модализация затрагивает самого субъекта мира, постольку Я отвечает на каждое такое вмешательство стремлением к немодализированной уверенности; таким образом, Я находится в стремлении разрешить «конфликт» между наслоившимися ожиданиями и воссоединиться с самим собой.

В результате этого, по утверждению Гуссерля, «Я, на свой лад, разделяется с собой, раздваивается и, наконец, объединяется» (Husserl 1939: 349). И далее — «если единогласие восприятия восстановлено, если единое восприятие снова протекает в нормальной форме, то внутренний конфликт Я с самим собой разрешен», а суждение вновь приобретает утвердительный вид (Husserl 1939: 350).

Поэтому, как считает Гуссерль, рассмотрение отрицательного категорического суждения среди основных форм есть ошибка традиционной логики. Имеется только одна фундаментальная форма — «S есть P», — все же остальные представляют собой ее вариации. Значит, мы не можем говорить о положительном и о негативном как о двух равностоящих качествах, «как красное и синее в сфере цветов, например, так что выражение „качество“ здесь вообще не годится» (Husserl 1939: 352). Наконец, в акте отрицания Я именно исключает валидность суждения, почему оно и имеет надстроенный «интенциональный характер».

Из вышесказанного ясно, что отрицание предполагает *первичное конституирование объектов*, или, другими словами, «нормальное» восприятие, которое в течении времени имеет возможность быть модифицированным. В итоге, исходным оказывается восприятие, полагание, утвердительное суждение, в то время как отрицательное лишь деривативно от последнего и должно быть рассмотрено скорее как модификация сознания.

Однако мы сталкиваемся с более точным вопросом — каким именно путем положительное восприятие ведет к отрицательным суждениям? Гуссерль предлагает следующий ответ: отрицательная модификация исходного восприятия осуществляется «посредством разочарования протенциальных антиципаций уверенности» (Husserl 1939: 98). Так, скажем, в описанном примере, уверенность в том, что шар целиком красный и ровный, и есть *протенциальная* антиципация. В таком случае, суждение «не полностью красный, но частично зеленый» будет как раз являться, относительно данной антиципации, исполнением посредством модификации разочарования. Результатом такой динамики опыта является появление отрицания, выраженного в форме суждения как «не целиком красный...» или «не ровный...».

Однако же, существует некая проблематичность в том, что, как нам представляется, не может быть показано никакого до-предикативного основания для закона двойного отрицания, т. е. соответствия между A и $\neg\neg A$.

Начнем с того, что обратимся еще раз к примеру. Предположим, что я вижу кого-то издали и выношу суждение: «Это Мартин». По мере приближения к объекту моего высказывания оказывается, что я обознался, — первичные ожидания вступают в конфликт с новоучрежденной реальностью, из чего следует суждение: «Это не Мартин». Если же затем этот некто подходит ближе и приветствует меня, то я ясно вижу, что это тот самый Мартин, и снова переформулирую свое суждение: «Это *все-таки* Мартин». На основании уже этой иллюстрации видно, что с точки зрения анализа происхождения двойного отрицания первый и второй смысл, или суждения A и $\neg\neg A$, не эквивалентны.

Итак, если мы говорим о «стрелке вывода традиционной логики» ((Lohmar 1992: 198). Судя по всему, здесь имеется в виду символ « \rightarrow » в соответствии с семантикой классической логики), то закон двойного отрицания оказывается здесь нарушенным. Иначе говоря, свойство опыта нарастать мешает нам сделать вывод из A в $\neg\neg A$, даже если возможно обратное. Выходом может послужить терминологическая дифференция относительно двух формул выше, предложенная таким исследователем, как Д. Ломар. Обозначив «простое» отрицание, которое «совершается как реакция на вычеркивающее неисполнение простой интенции», символом « \neg_1 » и, в противоположность ему, субъективно направленное второе отрицание как « \neg_2 », мы сможем также формализовать закон двойного отрицания следующим образом (Lohmar 1992: 198):

$$\neg_2 (\neg_1 A) \rightarrow A.$$

Мы, таким образом, не можем отождествить A и $\neg\neg A$, из чего следует вывод о невалидности закона двойного отрицания в рамках приведенного анализа. Не можем мы также и уравнивать $\neg A$ и $\neg\neg A$, а значит нарушается, кроме того, и закон исключенного третьего. В современном поле философствования существует и другое течение, имеющее аналогичный набор признаков, — мы намекаем на различные варианты *интуиционизма*, представленные Л. Э. Я. Брауэром, А. Гейтингом, Г. Вейлем. Конечно, прояснение концептуальных пересечений между интуиционистской и феноменологической логикой или философией математики потребует более детального внимания, что выйдет за рамки задач данного текста; невзирая на это, мы сочли полезным вкратце обратиться к данному вопросу в одном из его аспектов.

Среди сторонников данного движения принято считать, что только сконструированный объект имеет право на существование в математике — эти конструкции, в свою очередь, должны быть рассмотрены как продукт трансцендентального субъекта в противоположность психологическим реалиям условного математика, в чем проявляется кантианский характер интуиционистской эпистемологии. Как следствие, отвергается косвенное доказательство классической теории, в соответствии с которым существование объекта может быть доказано опровержением его не-существования. Иначе говоря, пришло время иной формы логики, ведь только она сможет описать открытый основоположником объект — умственное математическое построение.

Как пишет Гейтинг, «основные различия между классической и интуиционистской логикой касаются свойств отрицания» (Гейтинг 2010: 124). И действительно, плод стараний интуиционистов может быть вкратце задан как классическая логика без закона *tertium non datur* или закона *двойного отрицания*, но включающая принцип *противоречия*:

$$(A \rightarrow B) \rightarrow ((A \rightarrow \neg B) \rightarrow \neg A)$$

и принцип, согласно которому «из логически противоречивого высказывания следует все, что угодно»:

$$\neg A \rightarrow (A \rightarrow B).$$

Выходит, что в данной теории имеется асимметрия между утвердительным и отрицательным суждением. То есть для Гейтинга оказывается невалидной формула « $\neg\neg p \rightarrow p$ », хотя « $p \rightarrow \neg\neg p$ » в его логике проходит.

Тем не менее, как показывает Я. А. Слинин, «никакого особого рода интуиционистского отрицания не существует» (Слинин 2016). По его мнению, в

выражении « $\neg p$ » знак отрицания стоящий ближе к переменной является не настоящей негацией, когда «кочерга», стоящая на первом месте, есть отрицание настоящее, хотя и классическое. В связи с этим мы примем « $\neg p$ » за нечленимый символ, где отрицание не имеет самостоятельного значения. В конечном счете, «если, как мы это сделали, считать „ $\neg p$ “ единым символом, то принятие данной формулы свидетельствует о том, что закон двойного отрицания прекрасно соблюдается в логике Гейтинга, а его „ \neg “ — это просто классическое отрицание и ничто иное. В самом деле, ведь мы имеем полное право заменить „ $\neg p$ “ любым другим символом, например, буквой „ q “. Тогда будет: $\neg\neg q \rightarrow q$, т. е. закон двойного отрицания в чистом виде» (Слинин 2016).

Отметим еще один факт. Если мы будем полностью следовать интерпретации Д. Ломара, то мы с некой вероятностью окажемся в рамках *психологизма*. Ведь, если верить И. Лакатосу, движение интуиционизма — впрочем, это касается не всех его представителей — открыто признает данную тенденцию, определяя математику как «изучение определенных функций человеческого разума» (Lakatos 2015: 55). Это, бесспорно, окажется для феноменологической философии, в частности, в лице Гуссерля и, как мы видели, Хайдеггера, неприемлемым. Однако, как бы это ни казалось верным, связь интуиционистской логики с психологизмом, на наш взгляд, отнюдь не безусловна. Имея ввиду спорность данного вопроса, мы позволим себе заметить лишь то, что версия интуиционизма, представленная М. Даммитом, не может быть приведена под описание, данное выше.

Дополнительно же данную ситуацию можно прояснить, коснувшись стратификации логики в работе Гуссерля «Формальная и трансцендентальная логика». Философ выделяет трехчастную *структуру формальной логики* — чистую логическую грамматику (*rein-logische Grammatik*), логику следствия, или непротиворечия (*Konsequenzlogik, oder Logik der Widerspruchslosigkeit*), логику истины (*Wahrheitslogik*) — и обсуждает, в частности, логические законы для последних двух ступеней по отдельности. Понимая их как идеализирующие предпосылки (*idealisiertende Voraussetzungen*), Гуссерль ссылается на необходимость интенциональной критики, «которая предписывает смысл и пределы для их плодотворного применения» (Husserl 1974: 208). В то же время, как подмечает М. Хартимо, Гуссерль не указывает вывода, который мог бы последовать из такой критики и согласно которому применимость логических законов универсальна с необходимостью. Это может быть основанием полагать, что «вывод зависит от ситуации и области применения и не может быть постановлен заранее. Это наводит на мысль о плюрализме касательно логических законов» (Hartimo forthcoming).

Заключение

Рассмотрим теперь к чему мы пришли, эксплицируя приведенный анализ суждения и, в частности, отрицания как *модальности* в контексте их роли в науке. Итак, даже если *Urteilsakt* не представлен как модус восприятия, суждение может быть понято как имеющее собственное уникальное *интуитивное* содержание. Дело в том, что пассивные синтезы интуитивной данности присутствуют даже в видах активности Я более высокого уровня, нежели изначальное восприятие. Другими словами, Я делает определение вещи своей темой, когда активно совершает то, что на уровне рецептивности было исполнено пассивно. В активности предикации, стало быть, объект, не будучи более лишь пассивным ретенциональным присутствием нечего, представленного своими определениями, становится темой активного Я, выносящего суждение.

Итак, Я теперь находит интерес в объекте как предмете возможной предикации. Как показывает генетический анализ, происхождение суждения находится в переключении направления интереса воспринимающего Я. Это означает, что суждение есть оформленный синтез, сформированный актом суждения внутри нерасчлененного единства перцептивного опыта. Каждый акт суждения имеет единую фундаментальную структуру на всех уровнях знания и логической активности: он выражает направленность сознания на объект как свою тему или субстрат. Понятие объекта знания основывается на интересе, который должен быть понят не как случайный акт повышенного внимания к объекту, но как структура самой *интенциональности*. Соответственно, этот тематический интерес стремится к наполнению посредством раскрытия объекта так, *как* он есть, — иначе говоря, посредством предикации. Длжащееся наполнение пустой интенции разными модусами данности неких качеств превращает S в определяемый субстрат и моменты *p*, *q*, *r* в предикаты, определяющие S.

Итак, формирование синтеза в суждении отражает первичный пассивный синтез в восприятии. В силу сказанного последним благодаря суждению внутреннее различие претворяется в возможность быть воспринятым самого воспринятого. Как было видно на примере суждений отрицания, мы имеем дело с удвоением смысла и, значит, разделением на *объективную реальность как таковую* и *объективность полагаемую* (или, в терминах «Опыта и суждения», *gegenständlich Evidenz* и *Urteilsevidenz*) — собственно суждение. Как нам представляется, движением между направленностью на первый элемент и на последний, т. е. на истинное знание и убеждение (*δόξα*) соответственно, в то время как оба находятся в напряжении, характеризуется *наука*. Такое соотношение между, в определенном смысле, мнением и «верифицированным» знанием может приравниваться к разрыву именно с простым, еще наивным интересом в знании вещей как они есть; ибо просто выносить су-

суждение еще не означает делать истину суждения предметом исследования. Дело здесь в том, что Я отныне не просто наполняет интенцию; точнее говоря, это наполнение теперь понимается как подтверждение того, что прежде полагалось в убеждении, — такая активность определяет научную установку мышления. Подтвердить же что-либо в актуальном восприятии означает также и следующее: установление того, что суждение о данном есть то, которое может быть сделано снова. Такая направленность на удостоверение знания, которое пока что есть лишь ожидание, как раз и представляет собой, по видимому, то, что позволяет структуре суждения включать в себя синтез между мыслимой объективностью и реальным порядком вещей.

Вернемся теперь к логике, поскольку она, в качестве «наукоучения», отображает первичную мотивацию, которая порождает науку как таковую: критический интерес в истинности научного познания. Логика, надо думать, направлена, в том числе, на объекты, ведь, согласно ее генеалогии, предикативная очевидность суждения «S есть P» предполагает интуитивную *до-предикативную* очевидность объекта или тематического субстрата S. Логическое знание, судя по всему, имеет двоякое отношение к до-предикативному знанию. С одной стороны, отношение *фундирования* в том смысле, что формирование логических категорий строится на основе мира, предданного восприятию. И наоборот, логические формы должны служить инструментом получения знаний об объектах восприятия.

Литература

- Гейтинг 2010 — *Гейтинг А.* Интуиционизм. Введение. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Паткуль 2009 — *Паткуль А. Б.* Понятие обоснования самообоснования позитивных наук в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6101/1/patkul_grounding_in_heidegger.pdf (дата обращения: 13.06.2020).
- Паткуль 2014 — *Паткуль А. Б.* Деструкция логики в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера // Историко-философский ежегодник. М.: Канон-плюс, 2014. С. 131–155.
- Слинин 2016 — *Слинин Я. А.* Принцип противоречия Лейбница // Логико-философские штудии. 2016. Т. 13, №3.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.
- Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16–26.
- Хайдеггер 1998 — *Хайдеггер М.* О сущности основания // Философия в поисках онтологии. Вып. 5. Самара: Издательство СаГА, 1998. С. 78–130.
- Bachelard 1957 — *Bachelard S.* La logique de Husserl : Études sur Logique formelle et logique transcendente. Presses Universitaires de France, 1957.

- Hartimo forthcoming — *Hartimo M.* Formal and Transcendental Logic. URL: https://www.academia.edu/40889656/Formal_and_Transcendental_Logic (accessed: 13.06.2020).
- Hartimo 2019 — *Hartimo M.* On the Origins of Scientific Objectivity // Husserl's Phenomenology of Intersubjectivity: Historical Interpretations and Contemporary Applications. New York: Routledge, 2019. P. 302–321.
- Heidegger 1977 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 25. Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Frankfurt a.M., 1977.
- Heidegger 1978 — *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Bd. 1. Frühe Schriften (1912-1916). Frankfurt a.M., 1978.
- Husserl 1939 — *Husserl E.* Erfahrung und Urteil: Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Prague, 1939.
- Husserl 1974 — *Husserl E.* Formale und Transzendente Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft. Hague, 1974.
- Lakatos 2015 — *Lakatos I.* Proofs and Refutations: The Logic of Mathematical Discovery. Cambridge, 2015.
- Lohmar 1992 — *Lohmar D.* Beiträge zu einer phänomenologischen Theorie des negativen Urteils // Husserl Studies, 1992. Vol. 8. P. 173–204.